

DOI 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-207-226

УДК 94(47)

В. А. Шаповалов

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация
ORCID: 0000-003-1699-1956
E-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

С. П. Шаповалова

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
Белгород, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-9305-8564
E-mail: shapovalova_s@bsu.edu.ru

**Усадьба и изба: воровство как проявление
«коммунизма крестьянина с помещиком»**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается социальный феномен массового воровства крестьянами господского добра в помещичьих усадьбах и имениях как в дореформенный, так и в пореформенный периоды. Показываются аксиологические нюансы, при которых крестьяне не считали воровство барского добра преступлением или грехом. Данные представления базировались на ментальной основе, сформировавшейся в контексте специфической социально-психологической системы координат «свой — чужой», когда чужим считался любой, кто не являлся членом конкретного крестьянского сообщества. Воровство у «чужого» не рассматривалось в качестве чего-то предосудительного. В данную систему координат органично вписывались обычные человеческие слабости — жадность и зависть. Классовый антагонизм тоже был неотъемлемым элементом указанной системы. Оценка своего проступка в ходе воровства зависела от статусности помещика, возможности краж у соседей-помещиков при покровительстве или отсутствии такового со стороны своего барина. В своей же среде воровство строго пресекалось. Крепостные крестьяне, осознавая себя неотъемлемой частью барского поместья, исходили в отношении помещика из посыла: «И вы наши, и мы ваши!». То есть имущество имения объявлялось как бы общим. Современники называли такой подход «коммунизмом крестьянина с помещиком». За рамками барского патернализма воровство рассматривалось как справедливое перераспределение помещичьего добра. В пореформенный период, когда крепостные крестьяне получили личную свободу, но были привязаны к имению обязательствами выкупных платежей, воровство никуда не ушло. Крестьяне продолжали рассматривать барскую собственность как один из источников обогащения, мотивируя это тем, что барское добро является результатом их трудов. Следовательно, они имеют право на его определенную часть, что не исключало воровство как фактор «справедливого» перераспределения барского добра.

К Л Ю Ч Е В Ы Е С Л О В А :
воровство, кража, крестьяне,
помещики, дореформенный
и пореформенный периоды

Д Л Я Ц И Т И Р О В А Н И Я : Шаповалов В. А.,
Шаповалова С. П. Усадьба и изба: воровство
как проявление «коммунизма крестьянина
с помещиком». *Этнография*. 2022. 1 (15): 207–
226. doi 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-207-226

V. Shapovalov

Belgorod National Research University
Belgorod, Russian Federation
ORCID: 0000-003-1699-1956
E-mail: shapovalov@bsu.edu.ru

S. Shapovalova

Belgorod National Research University
Belgorod, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-9305-8564
E-mail: shapovalova_s@bsu.edu.ru

The Mansion and the Hut: Theft as Manifestation of “Peasant Communism with Landowner”

ABSTRACT. The article discusses the social phenomenon of mass theft by peasants of landlords' possessions in the country estates both in the pre-reform and post-reform Russia. It examines axiological nuances of theft: peasants did not consider stealing from the landlord as a crime or sin. These ideas were based on a specific social-psychological system of “Us-Them”. Anyone who didn't belong to a particular peasant community was considered a stranger or an outsider. Stealing from a stranger was not considered something reprehensible. The usual human “weaknesses”, such as greed and envy, fit into this coordinate system as well. Class antagonism was also an integral element of this system. The evaluation of one's transgression in the course of theft depended on the status of the landowner, the possibility of stealing from neighboring landowners with the patronage or lack thereof on the part of one's master. In their own social environment, theft was strictly forbidden. Serfs regarding themselves an integral part of the estate, proceeded from the premise: “You are ours, and we are yours!” The property of the estate was declared as if it were common. Contemporaries called such an approach “peasant communism with a landowner”. Outside the seignorial paternalism, theft was considered as a fair redistribution of master's belongings. In the post-reform period, when serfs gained personal freedom but were tied to the estate through the obligations of redemption payments, the theft did not disappear. Peasants continued to consider the landlord's possessions as a source of enrichment, reasoning that the master's belongings were the result of their efforts. Consequently, they have a right to a certain part, the reasoning that didn't eliminate the theft as a “fair” redistribution of the landowner's property.

KEY WORDS: theft, robbery, peasants, landowners, pre-reform and post-reform periods

FOR CITATION: Shapovalov V., Shapovalova S. The Mansion and the Hut: Theft as Manifestation of “Peasant Communism with Landowner”. *Etnografia*. 2022. 1 (15): 207–226. (In Russ.). doi 10.31250/2618-8600-2022-1(15)-207-226

ВВЕДЕНИЕ

Воровство — хищение чужого имущества — как социальное явление порицалось в большей или меньшей степени фактически у всех народов.

Размах воровства в имперской России был достаточно широк. В связи с этим феномен крестьянского воровства вызывает пристальное внимание и у отечественных, и у зарубежных исследователей. Тем не менее бытовой краже в крестьянской среде посвящено небольшое количество специальных работ. Среди них выделяется статья А. Л. Рогачевского, где рассматривается пореформенная эволюция крестьянского правосознания в контексте посягательства на чужую собственность и ответственности за это (Рогачевский 2003: 11–24). В. В. Бочаров большое внимание уделил дискурсу становления обычного права, акцентируя внимание на том, что обычное право складывается на базе обычно-правовой ментальности, носителями которой выступают представители той или иной культуры (субкультуры) (Бочаров 2004: 179–180). А. И. Ковлер в одном из разделов своей работы «Антропология права» показывает специфику правовой традиции России через вопрос: «Где человек?» (Ковлер 2002: 318–337).

В известном труде Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.)» демонстрируется своеобразное понимание преступления, когда крестьяне смешивали уголовные преступления и гражданские деликты, как это было еще в Московской Руси. Такой взгляд на преступление, как показывает автор, сохранился в обычном праве в XX в. (Миронов 2003, т. 2: 68). Характеризуя кражу, Б. Н. Миронов указывает на снисходительное отношение обычного права к воровству в крестьянском быту. Автор делает вывод, что в начале XX в. обычное право и крестьяне воспринимали воровство так же, как относился к этому преступлению закон несколькими столетиями раньше (Миронов 2003, т. 2: 69).

В работах В. Б. Безгина уделяется большое внимание соотношению в крестьянском сознании понятий «грех» и «преступление» в рамках повседневности. Воровство рассматривается через систему координат «свой — чужой», где вне конкретного крестьянского сообщества находились «чужие», на которых нормы обычного права не распространялись. Тема воровства крестьян у помещиков проходит отдельными небольшими сюжетами, вписанными в общую канву рассуждений о феномене крестьянского воровства (Безгин 2004; 2013; 2017). В. Б. Безгин называет главным врагом крестьян помещика, не отрицая классового антагонизма (Безгин 2004: 132).

В статье Л. А. Самариной показано, что основной причиной наплыва в города девушек и женщин, ищущих работу на фабриках и в услужении, стали аграрное перенаселение и обнищание деревни. После отмены

крепостного права ухудшилось и материальное положение дворян. Теперь многие из них не могли позволить себе квалифицированную прислугу, но отказаться от домашних работников при этом не хотели, поэтому нанимали работников без специализации, которым платить можно было меньше. Это, в свою очередь, стало основой большого количества споров и претензий с обеих сторон. Наниматели были низкого мнения о работе домашней прислуги. Женщины в услужении, в свою очередь, жаловались на тяжелые условия труда, мизерные зарплаты и старались позаботиться о себе сами, чаще всего незаконными методами. Воровство было самым распространенным преступлением среди домашней прислуги. Считалось, что с ним практически невозможно бороться (Самарина 2017).

Из новых работ, касающихся рассматриваемой проблематики, следует выделить диссертационное исследование Т. В. Бауэр (2019). В нем на большом фактическом материале рассмотрены представления и практики, связанные с воровством в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX — начала XX в.). Среди важных выводов автора исследования можно назвать то, что специфической чертой обычного права было и существование категории семейной ответственности за совершенное преступление. Ответственность, как и позор, мыслилась разделенной на всех членов семьи, это понятие включало и наказание божье, которое может обрушиться не только на самого вора, но и на всех родственников и потомков (Бауэр 2017: 263). Это должно было стать одним из важных моральных препятствий для совершения преступления.

В зарубежной историографии, касающейся феномена крестьянского воровства в России, следует выделить работы С. Л. Хока и С. П. Фрэнка (Хок 1993; Frank 1999). Первый из упомянутых авторов на примере дореформенного имения князей Гагариных в Тамбовской губернии анализирует социальный контроль в крепостной деревне. В отдельном сюжете показывается широкий размах воровства господского добра. Среди различных проступков в имении воровство занимало второе место, а большее число краж приходилось на собственность помещика. Больше всего воровали лес, дрова и зерно (Хок 1993: 155, 157). С. П. Фрэнк на примере Рязанской губернии в 1884 г. показывает, что 70,2% — это кражи мелкой собственности крестьян, только 7,4% краж совершено у дворян. Здесь продемонстрированы также разные подходы в подсчетах. В дореформенный период большая часть краж в рамках имения приходилась на добро бар, а в пореформенный период С. П. Фрэнк учитывал в целом все сословные категории населения, и, естественно, подавляющая масса краж совершалась в мелких владениях крестьян. С. П. Фрэнк подчеркивает, что число краж в официальных источниках сильно занижено. Так в 1870-е годы три четверти всех сельских споров разрешались

неофициально и не регистрировались. Это значит, что масштаб краж весьма недооценен (Frank 1999: 58–59).

Краткий историографический анализ социального феномена крестьянского воровства показывает, что ему в специальной литературе уделено довольно много внимания. В то же время специфика крестьянских краж в барских имениях как в дореформенный, так и в пореформенный периоды рассматривается в общем контексте исследований крестьянского воровства фрагментарно. В частности, недостаточно изучены аксиологические нюансы воровства барского добра; готовность (или отсутствие ее) пойти на тяжелые преступления, чтобы отстоять «свое право» продолжать дальнейшее систематическое воровство в имениях; влияние репутации барина на осознание крестьянином своего проступка при воровстве; оценка крестьянами возможности воровать и фактов воровства у соседних помещиков при покровительстве своего барина; пореформенная переоценка в крестьянской среде природы воровства у помещиков.

В теоретико-методологическом аспекте при категоризации понятия «воровство» используется концепция социального конструктивизма (П. Бергер, Т. Лукман), по которой различные общественные феномены представляют собой конструкции, созданные обществом. Данная теория успешно используется при рассмотрении различных социальных проблем, включая разные виды преступлений (Бауэр 2019: 10).

О широком размахе воровства свидетельствуют и фольклорные источники. В «Сборнике российских пословиц и поговорок» И. И. Иллюстрова в разделе «Кража» ворами и воровству посвящено 427 пословиц и поговорок (с вариациями) (Иллюстров 1904: 344–360). Перед разделом «Кража» автор объясняет наличие большого количества пословиц и поговорок, объединенных указанной тематикой, следующим обстоятельством: «По значительному числу относящихся сюда пословиц и поговорок видно, что воровство, как наиболее встречаемое в общезжитии преступление, хорошо было знакомо народу и сильно затрагивало его интересы, вследствие чего пословицы и поговорки довольно обстоятельно характеризуют кражу» (Иллюстров 1904: 344). Наряду с пословицами и поговорками в рассматриваемом контексте необходимо указать и на большой цикл народных сказок-анекдотов о ловком воре, с элементами трикстериады в отношении бар, попов и других персонажей, которые, с точки зрения крестьян, являются притеснителями (Козинцев 2007: 332; Новик 1993: 144; Соколов 2007: 387).

Несмотря на негативное отношение к воровству (ср. пословицы «на воре и шапка горит», «чужое добро не в прок») (Мери-Хови 1882: 178), для народного сознания характерны определенные нюансы в отношении к ворами и воровству. В частности, воров из друзей или родственников жалели: «Хоть и вор, да мой, так и жалко» (Даль 1998, т. 1: 243).

Крестьянское сознание в контексте правонарушений отчетливо базировалось на двойных стандартах. Это выражалось в рамках специфической системы координат «свой — чужой». Чужими считались на селе все, кто не являлся членом крестьянского сообщества. В отношении чужаков нравственные принципы не всегда действовали. Воровство у барина не вызывало у мужика чувство вины (Безгин 2017: 77–78). Нельзя сбрасывать со счетов и классовый антагонизм. С. П. Фрэнк указывает на следующее обстоятельство: «Конечно, жадность, зависть и классовый антагонизм со стороны бедных не могут быть проигнорированы при любом анализе хищений собственности против социальной и экономической элиты сельской местности» (Frank 1999: 117). В своем же кругу воровство жестко пресекалось. В то же время крепостные крестьяне были глубоко убеждены, что помещики должны были делиться с ними своим добром. Крестьяне исходили из принципа «И вы наши, и мы ваши!» (Неелов 1857: 127). Потому воровство не рассматривалось в качестве преступления. Публицист, смоленский помещик, впоследствии директор департамента сельского хозяйства Министерства государственных имуществ Д. Д. Неелов назвал такие воззрения и практику «коммунизмом крестьянина с помещиком» (Неелов 1857: 127). Крестьянская кража барского добра не поддается однозначной трактовке, имеет множество аксиологических нюансов и является одним из показателей специфики крестьянской ментальности.

БАРИН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ КРЕСТЬЯН КАК ХОЗЯЙСТВУЮЩИЙ СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ДЛЯ ОБМАНА И ВОРОВСТВА

Среди крепостного крестьянства не было однозначной оценки своего социального статуса. Подавляющая часть частновладельческих крестьян не была согласна с характером и методами владения и управления крепостной деревней помещиками.

Однако в определенном кругу крестьян принадлежность к барам считалась Божьим провидением, и свое «рабство» они не считали чем-либо постыдным и несправедливым. Крупный деятель казанского земства Н. А. Мельников в первые пореформенные годы вспоминал свой разговор с бывшим крепостным своего деда. Мельников говорил, что один человек не может обладать другим, ответ бывшего крепостного обескуражил барина: «Нет соколик, не так все это... На земле же все рабы либо друг другу, либо самим себе. Я, примерно, дедушке твоего был раб, он — царским рабом, царь трону своего раб, а все мы вместе рабы перед Господом Богом. И позора в рабстве я не вижу никакого» (Мельников 2008: 28). Многими крестьянами крепостное право воспринималось в традиционалистском контексте: «Так жили наши деды, живут наши отцы, так и нам жить». Это в полной мере относится и к дворовым, чья жизнь была так же тяжела.

Подобные воззрения цементировались страхом крепостного быть высеченным, отданным в рекруты, сосланным в Сибирь, разлученным с семьей и т. д. Но многие поколения крепостных крестьян не знали другой жизни, и для них она была естественной со всеми своими минусами и, если так можно сказать, плюсами. М. А. Полякова и Е. Н. Савинова в этой связи весьма точно подметили: «Для русского помещика конца XVIII — начала XIX века во владении крепостными не было ничего безнравственного. Он жил, как было заведено его предками, не задумываясь о том, что можно жить как-то иначе. Его крепостные также не представляли себе другого уклада, свыклись с ним, искали в нем возможность выгоды» (Полякова 2011: 39–40). Независимо от воззрений на институт крепостничества «искать возможность выгоды» в рамках дворянской усадьбы или имения для крепостных крестьян было повседневным занятием. Здесь примером может служить имение Старое Акшино Инсарского уезда Пензенской губернии, принадлежавшее отцу Н. П. Огарева Платону Богдановичу (1769–1838). П. Б. Огарев, пока серьезно не заболел, считался крепким хозяином. Имение было барщинным, с жесткой системой контроля, но крестьяне в этой ситуации «давно смирились и <...> давно наловчились исполнять наперекосяк» (Бахмутов 2004: 43). Крепкая хозяйская хватка не смогла искоренить крестьянского стремления работать на бар спустя рукава. Это было результатом долгой эволюции крестьянского приспособленчества в условиях функционирования помещичьих имений. Определенную роль в «искании выгод» играли представления крестьян о барине как хозяйствующем субъекте. В целом барин в крестьянском сознании был человеком из другого мира. Крестьян поражали дворянская образованность, культура, манеры, вместе с тем они ощущали притягательность магии «породы», принадлежности к «голубой крови». В то же время крестьяне не видели в помещиках знающих, крепких хозяев-специалистов. Знаток крестьянской жизни Глеб Успенский особо подчеркивал: «У крестьянина прочно сложилось какое-то в самую кровь вьевшееся убеждение, что *барин не понимает ровно ничего*. Не понимает “житейского”, не понимает того, что держит человека на земле, что заправляет его жизнью, душой и думой...» (Успенский 1908, т. 4: 18).

Эта оценка во многом базировалась на указанной крестьянской социальной системе координат «свой — чужой». Не лишённая сарказма и исходившая из крестьянской житейской философии, в целом она была верна. Но среди помещиков встречалось немало тех, кто профессионально вел свое хозяйство (Ковальченко 2004: 438; Козлов 2019: 273–274). Как правило, это в большей части относилось к пореформенному периоду. В то же время выделенный курсивом в тексте Глеба Успенского отрывок «барин не понимает ровно ничего» тонко и одновременно глубоко отражает воззрения крестьян на хозяйственные способности бар в целом: а раз ничего не понимает, то его не грех и обмануть в ходе выполнения

работ или еще в чем-либо, а при возможности и украсть. Если помещик пытался вникнуть в суть сельскохозяйственных работ, прижимал крестьян, «не давал им развернуться», то это могло вызвать и радикальные формы противодействия. Крупный этнограф рубежа XIX – XX вв. О. П. Семёнова специально акцентирует на этом внимание: «...более всего не любят, конечно, кулаковатых дворян. Таким уже ничего не прощают, поджигают их и мстят им решительно за все, если не очень боятся их связей с властями, а в те минуты, когда между крестьянами и таким кулаком отношения мирные, редкий “Иван” не думает или не говорит, что не барское это дело входить во всю подноготную. Тут психология “Ивана” довольно сложная; с одной стороны, он не уважает барина за то, что он не умеет обращаться с землей и трудиться на ней по-мужски, а с другой — величие барина. Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику» (цит. по: Шнейдер 1907: 15–16).

В качестве примера радикального противодействия крестьян помещику из-за желания продолжать систематическое воровство можно привести отрывок из воспоминаний Т. Толычевой (псевдоним Е. В. Новосильцевой), где она описывает случай из жизни своего деда Семена Васильевича. Дед, вступив в наследство после смерти своего отца в конце дореформенного периода, решил навести порядок в далеком тверском имении Воробново, которое «стало притоном воров и гуляк всего околотка» (Толычева 2015: 15). Барин приказал построить в имении дом и собрался переехать жить туда. Крестьяне пришли в ужас от предстоящей напасти и сожгли только что выстроенный дом, надеясь, что приезд помещика на этом может быть завершен. Дом же отстроили заново, барин переехал, виноватых в поджоге нашли и наказали, хозяйство Семен Васильевич вел крепкой рукой. «Наконец, мало-помалу, гуляки и воры перевелись, запущенные поля стали обрабатываться на славу...» (Толычева 2015: 16). Данный пример показывает, насколько далеко могли зайти крестьяне в противодействии помещику и препятствовании перестроить их привычную жизнь.

В отдельных случаях воровство крестьян могло привести к убийству помещика. В «Извлечениях из секретных отчетов Министерства внутренних дел за 1836–1856 гг.» приводятся такие примеры. Так, в отчете за 1839 г. указывается, что полтавский помещик Загребя был убит крестьянами из-за «дурного поведения крестьян его, преданных пьянству и воровству» (Материалы для истории 2010: 32). Вероятно, конфликт произошел из-за указанных «слабостей» крестьян. В 1842 г. в Санкт-Петербурге был задушен своей дворовой девкой дворянин Горбунов, целью преступления была кража вещей (Материалы для истории 2010: 67). В 1843 г. с целью хищения денег был задушен крестьянами киевский помещик Яворский, орловский помещик Киреевский также был убит крестьянами (Материалы для истории 2010: 81). Из источника не всегда ясно, совершено

ли убийство во время похищения ценностей или после него. Подобных примеров крайней жестокости крестьян в ходе воровства предостаточно. Жестокость проявляли и помещики, наказывавшие или расследовавшие случаи воровства. Наиболее известный пример связан с тульским помещиком Трубицыным, который в 1846 г. во время дознания о воровстве в своем имении пытал подозреваемых. Дело приняло широкую огласку и дошло до государя Николая I (Семевский 1888, т. 2: 575–578).

В отдельных случаях бесконтрольность дальних имений приводила к росту там воровства. Так, владимирский помещик средней руки Андрей Чихачев в 1820-е годы не знал, сколько крепостных крестьян у него в отдаленном имении (Антонова 2019: 105). Тем более что их число было не так велико. Управлялись они выборными из самих крестьян. Понятно, что это давало широкий простор для «плутовства» различного плана. Подобный «хозяйский» подход был характерен и для его ближайших родственников. В 1861 г. сын Андрея — Алексей — во время поездки в Симбирск для осмотра семейной собственности неожиданно обнаружил, что крестьяне значительно (55 руб. вместо 67 руб.) недоплачивали оброк его матери с тягла (Антонова 2019: 115). По сути это воровство, и помещику пришлось приложить большие усилия, чтобы вернуть недоплаченные суммы.

Этнографы конца XIX — начала XX в. отмечали среди русских крестьян одну особенность по отношению к помещикам, которая перешла из дореформенного периода в пореформенный. Речь идет о стремлении крестьян путем различных ухищрений и обмана заполучить что-либо у бар, при этом данный обман рассматривался ими как богоугодное дело. Диалог крестьянина с помещиком начинался с «легенды» о крайней нужде и обязательно содержал вопрос-просьбу: «А не пожалуете ли чего?» (Шнейдер 1907: 15). О. П. Семенова указывает на подобные случаи: «Не раз наблюдала я в таких случаях одну помещицу, которая, сознавая отлично наивную подчас ложь, не останавливалась на этом и, жалея какого-нибудь крестьянина, все-таки широко ему помогала. В таком случае ни один “Иван” не может понять, что его ложь видят и только из жалости, не останавливаясь на ней, ему помогают. Всякий “Иван”, напротив, убежден, что он ловко надул богатого человека. Угрызений совести “Иван” по этому поводу, конечно, не чувствует, так как, по его рассуждению, богатые милосердием своим спасают свою душу (существует рассказ о ключнице, обманывавшей своего барина в пользу бедных и тем самым спасшей его душу)» (Шнейдер 1907: 15).

Обман барина с целью обрести какую-либо выгоду, по сути, был элементом поведенческого кода (программы) крестьянина. Несмотря на вариативность и многообразие в данной программе, присутствует и определенная типизация (Байбурин 1993: 5): мужик видит в барине объект для обмана и, как следствие, для получения определенных материальных

или иных благ. То есть здесь мы можем говорить об одном из элементов повседневного традиционализма крестьянского общения с барями.

Фольклорные тексты также дают представления о взглядах крестьян на хозяйственные способности помещиков. В фольклоре, в частности в сказках, выведен образ «барина, не понимающего ровно ничего». Так, наряду с жестоким, высокомерным помещиком представлен и образ барина, далекого от элементарных житейских и хозяйственных знаний и умений. Чего только стоит название ряда сказок: «Как барин лошадей себе из тыков высиживал», «Как барин телился» и т. п. (Соколов 1932: 145–150). Конечно, это увязывается с трикстериадой. Подобного нет в фольклорных текстах о купце, попе, солдате и других представителях сословных сообществ.

В рассматриваемом ключе интересна оценка самих крепостных крестьян. Крепостная крестьянка из Калужской губернии Авдотья Хрущова, описывая свою жизнь в конце XVIII — начале XIX в., прямо указывала: «Народ продувной, на всяком шагу стараются обмануть помещика» (Хрущова 2006: 106). Свой социальный статус крепостной и домашней прислуги она воспринимала как предназначение, определенное свыше, а это высказывание было итогом ее многолетних наблюдений. Итак, барин рассматривался в качестве объекта обмана и воровства.

«...ТАЩИЛИ ИХ ДОБРО ПРИ ПЕРВОЙ К ТОМУ ВОЗМОЖНОСТИ»:
ВОРОВСТВО КРЕСТЬЯН В БАРСКИХ ИМЕНИЯХ

Отказ крестьян воспринимать помещиков в качестве профессиональных, рачительных хозяев являлся одной из основных причин широкой мужицкой практики обмана и воровства в имениях — но далеко не единственной и не главной. Функционирование всего спектра жизнедеятельности помещичьих имений было многообразно и сложно устроено. Воровство крестьянами барского добра было неотъемлемой частью повседневного сосуществования и взаимодействия бар и их крепостных. Современники указывали на это социальное явление как на что-то обыденное, но с негативным акцентом. Сельский священник Саратовской губернии А. И. Розанов (1825–1895), писавший под псевдонимом «Сельский священник», детально знал характер взаимоотношений помещиков с крестьянами, все это происходило на его глазах. Он особо отмечал, что, даже когда помещики были жестоки, крестьяне «лгали им на каждом слове; тащили их добро при первой к тому возможности» (Сельский священник 1880: 491). При этом А. И. Розанов указывал: «Господа и рабы, эти две диаметрально противоположные силы, могли ужиться вместе только при самых сильных, связующих их узах» (Сельский священник 1880: 491). Крестьяне видели в барах гаранта и источник определенного жизненного комфорта. Это особенно ценилось в годы неурожаев. Уже после реформы

19 февраля 1861 г. крестьяне добрым словом вспоминали патерналистскую функцию помещиков-крепостников: «... что же это за жизнь, говорили, — хуже барщины! При господах, бывало, плохо-плохо, а случится какая беда — идешь к барину, и он тебе поможет, потому ты ему нужен. А теперь куда идти? Кому мы нужны?» (Семенов 1902: 22).

Специфика изучаемого явления в крепостной деревне состояла в том, что воровство у помещика в крестьянском сознании далеко не всегда считалось воровством. Современник-барин указывал на «любимое наречие» крестьян с помещиком во время разговоров: «Эх! Батюшка! И вы наши, и мы ваши!». Что в мужицком понимании означало «и ваше наше, и наше ваше» (Неелов 1857: 127). Другими словами, если крестьянин что-либо берет без спросу или делает несогласованные порубки в барском лесу, то это не может считаться кражей. «К несчастью, смешанность понятий о собственности помещика и крестьянина, или, если можно так выразиться, коммунизм крестьянина с помещиком, часто заставляет называть то, что в крестьянском понятии не составляет воровства» (Неелов 1857: 127). Хотя этот посыл носит несколько обобщенный характер и имеет небольшой налет сарказма, в целом он отражает представления значительной части крепостных крестьян о сути собственности в помещичьем имении. Крестьянин, конечно, знал об отношении бар к воровству, об ожидаемом его наказании за кражу, но внутренне он был убежден, что поступает правильно.

Вышеуказанные представления накладывались на другие представления о смысле воровства у бар. В частности, на произвольные порубки в помещичьем лесу. Оправдывалось это тем, что «лес никто не сажал, он сам вырос», «лес не сам хозяин растил, а Бог» (Безгин 2017: 75, 77). Это в полной мере относилось к грибам, ягодам, рыбе и дичи в барском лесу. Все это считалось Божьим даром, а следовательно, принадлежало всем. Крестьяне видели в лесе источник многих благ и высоко ценили его. Свидетельством тому служат пословицы: «Возле лесу жить — голоду не видеть», «Лесная сторона не одного волка, а и мужика досыта накормит» (Иллюстров 1904: 261), «Лес богаче царя» (Пословицы, поговорки, загадки 1961: 142). Представления о лесе как о Божьем даре при произвольных порубках увязывались с крестьянскими воззрениями о помещике как хозяине, который не считает своего добра. В то же время была убежденность, что от небольших порубок лес не убудет, что подтверждает пословица: «Лес по дереву не плачет» (Пословицы, поговорки, загадки 1961: 172).

Масштабы воровства крестьянами у помещиков демонстрируют соответствующие статистические данные по отдельным имениям. Американский историк Стивен Л. Хок, исследуя институт крепостничества и социальный контроль крепостных крестьян со стороны помещиков на примере села Петровское Борисоглебского уезда Тамбовской губернии,

принадлежавшего кн. Гагариным, показывает, что такой проступок, как воровство, в имении занимал второе место среди прочих. На первом месте находились проступки на работе. За полные 13 лет данные по видам и количеству проступков представлены начиная с 1819 г. и завершая 1858 г., за исключением середины 30-х, 40-х и первой половины 50-х годов XIX в., из всего количества проступков (3539) на воровство приходилось 1008, или 28,5% (Хок 1993: 155). Почти каждый третий проступок был связан с воровством. В имении было зафиксировано 854 кражи (84,7%), у крестьян — 148 (14,6%), неизвестно у кого — 6 (0,7%). Подавляющая часть краж приходилась на случаи воровства в имении. Больше всего воровали господский лес и дрова — 638 зафиксированных случаев (74,1%), после этого шло зерно — 152 случая (17,7%) (Хок 1993: 157). Зерно воровали при посеве, уборке и перевозке, когда представлялась масса возможностей для краж.

Владимирский помещик Андрей Чихачев среди проступков своих крепостных крестьян воровство ставил на третье место после пьянства и споров с помещиком (Антонова 2019: 108).

В отдельных случаях барское имущество воровалось крепостными крестьянами у соседа-помещика, в этом случае свой барин если открыто не поощрял подобное, то и не препятствовал. Как правило, здесь имел значение социальный статус обворованного барина. В этом плане примечателен пример тяжбы двух соседей — помещиков Роменского уезда Полтавской губернии в начале XIX в. Крестьяне помещика Ф. П. Лашкевича вырубали лес соседа — мелкопоместного барина — на протяжении 1802–1806 гг. Последний обращался за помощью к уездному предводителю дворянства. Результата не было. Более богатый сосед не только не хотел наказывать своих крестьян, но еще и предлагал: «Поймай или скажи, кто именно твой лес рубит». «Дворянин-бедняга же, для которого этот лес был одним из основных источников дохода, имел в собственности лишь двух крепостных, которые никак не могли “бывающих при рубке... леса по тридцать и более душ” поймать без угрозы для собственной жизни и здоровья» (Литвинова 2019: 364). Богатый помещик потворствовал своим крестьянам, во всяком случае он их не наказывал. Богатый помещик тем самым решал две задачи: 1) сохранял свои лесные угодья и 2) перенаправлял крестьянские воровские устремления на бедного соседа-дворянина с более низким статусом. Этот более низкий социальный статус мелкого помещика играл здесь свою роль. Дворяне-помещики из верхних страт не видели в своих бедных собратьях по сословию представителей «голубой крови» и обращались с ними соответственно (Истомина 2016: 79–104). Подобное отношение передавалось и крестьянам богатых помещиков, для них мелкий помещик не был барином в классическом его понимании. При негласном покровительстве своего помещика воровать у такого барина можно было годами, особо не задумываясь о наказаниях.

Все вышесказанное указывает на воровство в имениях как на один из главных проступков крепостных крестьян. Но эти данные также свидетельствуют и о том, что воровство крестьян в имении стало неотъемлемой частью их повседневности, скрытой формой перераспределения барского добра (при этом — не всегда добра своего помещика).

Дворовые, непосредственно обслуживающие господскую усадьбу, составляли «самую жалкую категорию», которую сравнивали с «домашними рабами» (Литвинов 1897: 159). Несмотря на пребывание в непосредственной близости от барина, в среде дворовых родилась пословица: «С барином знайся, а за пазухой камень держи» (Князькова 1911: 185). Воровство барского добра среди дворовых было распространено повсеместно. Но воровали в основном еду и алкоголь, при возможности — небольшие деньги. Особенно это проявлялось при подготовке господских трапез, рассчитанных на большое количество гостей. В эти дни лакеи, дворовые девки и прочая домашняя прислуга устраивали себе «пиры» (Аксаков 1973: 390). У домашней прислуги существовала «специализация» воровства: кухарки чаще крали еду, кухонную утварь и алкоголь; прачки и горничные — белье и посуду. Нередко прислуга разных домов менялась ворованным (Самарина 2017: 77–89).

За воровство крестьян и дворовых серьезно наказывали. Так, в принадлежавшем кн. Гагариным имении Петровское большинство штрафов и наказаний (74% всех штрафов и 77% всех случаев выбривания головы и бороды, при этом здесь не учтено наказание поркой) приходилось на воровство. Однако пойманный на краже в имении крестьянин считал себя неудачником, но не виновным (Хок 1993: 154–155). Украденное не могло, с его точки зрения, нарушить экономическое равновесие в имении. Ведь он тоже был составной частью этого имения.

Необходимо упомянуть еще об одной особенности восприятия крестьянского воровства помещиками. Воровство в имении карается строго, а вот «украденное на стороне всегда почти укрывается» (Винский 2015: 608). Помещики не относили к факту воровства попавшее к ним добро «со стороны». На это просто закрывали глаза, и подобные кражи рассматривались в качестве случайных, незапланированных приобретений. Срабатывала система координат «свой — чужой»: воровство у «чужого» не считалось чем-то предосудительным. Если у крестьян данная система координат распространялась на всех, кто не входил в их конкретное сообщество, то у помещиков — на тех, кто не был включен в социум имения. Как было показано выше, помещики могли направлять воровские устремления крестьян на своих соседей-помещиков.

Отмена крепостного права, несмотря на переходный период, когда крестьяне были временнообязанными, изменила взгляд мужика на свое место в барском имении. Он перестал себя ощущать «вещью» помещика, и это не могло не сказаться на характере взаимоотношений, включая

и отношение крестьян к барской собственности. Воровство помещичьего имущества в глазах мужиков становилось справедливым возмездием и способом получить свою доли из общих богатств имения. В целом же представления крестьян о барской усадьбе как источнике имущественных благ не могли исчезнуть в одночасье. Правовыми рамками временно-обязанного состояния они были прикреплены к ней, и «коммунизм крестьянина с помещиком» продолжался, но уже в рамках становления другой ментальности. Крестьянин стал лично свободным, но был обязан за эту свободу и надел отрабатывать барину. На барское добро мужик смотрел как на частично свое, ведь он столько труда вложил в хозяйственное развитие имения. Несмотря на то что в пореформенный период подход «и вы наши, и мы ваши» уже не срабатывал, воровство процветало, при этом оно обосновывалось вышеприведенными положениями. Все это находилось в русле общероссийской тенденции, в империи в 1874–1883 гг. в среднем в год фиксировалась 41,9 тыс. краж, а в 1889–1905 гг. — уже 82,4 тыс. (Миронов 2018, Т. 3: 129). Общее число краж в указанный период удвоилось.

После объявления личной свободы эмоции в крестьянской среде остыли, местами не без помощи воинских команд. Мужики и бабы, как и прежде, работали на барщине, платили оброк или несли смешанную повинность. Все это находилось в рамках выкупной операции. Корреспондент «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева отмечал: «...очень редкий работник не отсыплет себе мерку зерна на гумне своего хозяина и не украдет муки, если его пошлют на мельницу. Такая кража не считается особенным пороком, а чем богаче хозяин, тем кража считается извинительней» (Русские крестьяне 2005: 185). Воровство у барина продолжало не восприниматься как грех, его крестьяне даже приветствовали и покрывали. «Украсть у богача и вообще нанести ему какой-нибудь убыток не считается большим грехом; соседи, заставшие вора на месте, смолчат, да еще скажут: “Так ему и надо, мироеду!”» (Русские крестьяне 2008: 382). Покрывательство воров приводило к тому, что отдельные из них длительный период «специализировались» на кражах из дворянских усадеб. Так, современник отмечал, что в деревне Турковщине Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии в конце XIX в. «есть молодец, который ворует с господских мыз все, что плохо лежит» (Русские крестьяне 2008: 381).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Воровство в барских поместьях было одним из самых распространенных проступков крестьян и, по сути, стало неотъемлемой частью народной повседневности в контексте взаимоотношений «усадьба — изба». Кража барского добра не рассматривалась мужиками и бабами как преступление или серьезный грех. Пойманный на воровстве хозяйской

собственности крестьянин считал себя не преступником, а неудачником. Подобные воззрения базировались на социальной системе координат «свой — чужой», где чужим выступал любой, кто не входил в конкретное крестьянское сообщество, но классовый антагонизм, несомненно, присутствовал. В эпоху крепостного права барское имущество рассматривалось крестьянами как отчасти и их собственность. Это было связано не только с тем, что крестьяне сами являлись неотъемлемой частью помещичьего имения. Крестьянские представления о двуедином характере барской собственности отчетливо выражались фразой: «И вы наши, и мы ваши!». По сути это оговаривание права на часть хозяйской собственности, которое осуществлялось путем практики массового воровства. Один из помещиков весьма тонко назвал этот социальный феномен проявлением «коммунизма крестьянина с помещиком» (см. выше).

Мотивации крестьянского воровства лежали не только в русле указанных схем: воровали из мести, крайней нужды и обычной привычки. Лес, дрова, ягоды, грибы, рыба в реках, дичь в лесах крестьянами рассматривались в качестве божьего дара всем людям. Отсюда незаконные вырубki барского леса, которые были наиболее распространенной формой крестьянского воровства у помещиков. В пореформенной России официально число краж удвоилось, воровство в барских имениях было обычным явлением. Несмотря на то что дореформенный посыл «и вы наши, и мы ваши!» уже не работал в полной мере, он трансформировался: крестьяне полагали, что процветание помещичьих имений обязано их мозолистым рукам, а следовательно, они имеют право на часть барского добра и воровство не считают серьезным проступком или грехом. То есть «коммунизм крестьянина с помещиком» имел продолжение, но уже на несколько иной социально-психологической основе. Барин без дореформенного патернализма полностью не вписывался в указанный посыл, но мужик продолжал смотреть на помещичье имение как на один из источников дохода (пусть и приобретаемого путем обмана и воровства). Система пореформенных выкупных платежей соединяла их в целостный финансово-хозяйственный механизм.

Воровство можно рассматривать в рамках концепции «оружия слабых» Дж. Скотта (Никулин 2003: 133). Оно было эффективным в условиях системного пресса угнетения, снижало социальную напряженность, позволяя не прибегать к радикальным формам сопротивления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аксаков С. Т. Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1973. 669 с.

Антонова К. П. Господа Чихачёвы. Мир поместного дворянства в Николаевской России. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 456 с.

Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.

Барин и мужик: Русские народные сказки / Ред. и предисл. Ю. М. Соколова. М.; Л.: Academia, 1932. 192 с.

Бауэр Т. В. Представления и практики, связанные с воровством, в крестьянской культуре (по русским, белорусским и украинским материалам середины XIX — начала XX в.): дис. ... канд. ист. наук. СПб.: МАЭ РАН, 2019. 315 с.

Бахмутов С. П. Староакшинские помещики: из истории родового гнезда Огаревых и Сатиных. Саранск: Красный Октябрь, 2004. 150 с.

Безгин В. Б. Кражи в российском селе второй половины XIX — начала XX века // Юридические исследования. 2013. № 6. С. 285–319. URL: http://e-notabene.ru/Ir/article_5112.html (дата обращения: 29.11.2021).

Безгин В. Б. Крестьянская повседневность (традиции конца XIX — начала XX в.). М., Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 2004. 304 с.

Безгин В. Б. Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common place, 2017. 334 с.

Бочаров В. В. Обычное право собственности и «криминальное государство» в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII. № 4. С. 173–199.

Винский Г. С. Мое время. Записки Г. С. Винского // Русские люди XVIII века. М.: Институт русской цивилизации, 2015. С. 503–630.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1998. 670 с.

Илюстров И. И. Сборник русских пословиц и поговорок. Киев: Тип. С. В. Кульженко, 1904. 481 с.

Истомина И. В. Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород: ООО «Эпицентр», 2016. 172 с.

Кевлер А. И. Антропология права. М.: Норма, 2002. 480 с.

Князькова С. А. Быт крепостных крестьян перед освобождением // Крепостное право в России и реформа 19 февраля. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1911. С. 185–208.

Ковальченко И. Д. Аграрный строй России второй половины XIX — начала XX в. М.: РОССПЭН, 2004. 504 с.

Козинцев А. Г. О функции трикстера // АБ — 60. Сборник статей к 60-летию А. К. Байбурина. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2007. С. 325–338.

Козлов С. А. Российские ученые-аграрники XIX — начала XX века: историко-биографические очерки. М.: РОССПЭН, 2019. 967 с.

Литвинов М. А. История крепостного права в России. М.: Тип. Вильде, 1897. (Общепольная библиотека для самообразования; № 5–6–7). 367 с.

Литвинова Т. «Помещичья правда»: дворянство Левобережной Украины и крестьянский вопрос в конце XVIII — первой половине XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 648 с. (Серия Historia Rossica).

Материалы для истории крепостного права в России: извлечения из секретных отчетов

тов Министерства внутренних дел за 1836–1856 гг. Государственная Публичная библиотека России. М., 2010. 240 с.

Мельников Н. А. 19 лет на земской службе. Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2008. 344 с.

Мери-Хови (отшельник). Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия). СПб.: Губернская типография, 1882. 252 с.

Мионов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну: в 3 т. Т. 3. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 992 с.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 583 с.

Неелов Д. Д. Что должно разуметь под рациональным сельским хозяйством (по поводу статьи Г. Арсеньева «О трудностях при введении рационального хозяйства в нашем Отечестве») // Русский вестник. 1857. Т. 9. С. 93–139.

Никулин А. М. Власть, подчинение и сопротивление в концепции «моральной экономики» Джеймса Скотта // Вестник РУДН, серия «Социология». 2003. № 1 (4). С. 130–140.

Новик Е. С. Структура сказочного трюка // От мифа к литературе: Сборник в честь семидесятилетия Елеазара Моисеевича Мелетинского. М.: Изд-во РГТУ, 1993. С. 139–152.

Полякова И. А., Савинова Е. Н. Русская провинциальная усадьба XVII — начала XX века. М.: Ломоносовь, 2011. 264 с.

Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII–XX веков. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. 289 с.

Рогачевский А. Л. К истории обычного права в России в XIX веке (из архива Русского географического общества). Ч. 3: Имущественные посягательства // Юридическая мысль. 2003. № 2. С. 11–24.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. I. Пошехонский уезд. СПб.: Деловая полиграфия, 2006. 608 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 3. Калужская губерния. СПб.: Деловая полиграфия, 2005. 656 с.

Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В. Н. Тенишева. Т. 6. Курская, Московская, Олонецкая, Псковская, С.-Петербургская и Тульская губернии. СПб.: Деловая полиграфия, 2008. 600 с.

Самарина Л. А. «Мерзавцы все крали»: воровство среди домашней прислуги в России второй половины XIX в. // История повседневности. 2017. № 1. С. 77–89.

Сельский священник. Записки сельского священника // Русская старина. 1880. Т. 27. С. 39–78, 455–494.

Семенов С. Т. Из истории одной деревни. Записки волоколамского крестьянина // Русская мысль. 1902. Кн. 1. С. 20–37.

Семевский В. И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века: в 2 т. Т. 2. СПб.: Общественная польза, 1888. 625 с.

Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Изд-во Московского университета, 2007. 544 с.

Тольчева Т. Семейные записки. М.: Государственная Публичная историческая библиотека России, 2015. 174 с.

Успенский Г. Полное собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркса, 1908. 746 с.

Хок С. Л. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии. М.: Прогресс-Академия, 1993. 192 с.

Хруцова А. Г. Воспоминания // Воспоминания русских крестьян XVIII — первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 94–107.

Шнейдер В. П. Памяти Ольги Петровны Семеновы. СПб.: Типогр. М. М. Стасюлевича, 1908. 22 с.

Frank S. P. *Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914*. Berkeley; Los Angeles: London: University of California Press, 1999. 353 p.

REFERENCES

Antonova K. P. *Gospoda Chikhaevy. Mir pomestnogo dvorianstva v Nikolaevskoi Rossii* [Messieurs Chikhaev. The World of Local Nobility in Nikolaev Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. (In Russian).

Baiburin A. K. *Ritual v traditsionnoi kul'ture: strukturno-semanticheskii analiz vostochno-slavianskikh obriadov* [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]. St. Petersburg: Nauka Publ., 1993. (In Russian).

Bakhmustov S. P. *Staroakshinskie pomeshchiki: iz istorii rodovogo gnezda Ogarevykh i Satinykh* [Staroakshinsk' Landowners: from the History of Ogarev and Satingeneric Nest]. Saransk: Krasnyi Oktiabr' Publ., 2004. (In Russian).

Bauer T. V. *Predstavleniia i praktiki, sviazannye s vorovstvom v krest'ianskoi kul'ture (po russkim, belorusskim i ukrainskim materialam serediny 19 — nachala 20 v.)* [Representations and Practices Related to Theft in Peasant Culture (on the base of Russian, Belarussian and Ukrainian Materials in mid XIX — early XX centuries)]: dis. kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2019. (In Russian).

Bezgin V. B. [Theft in the Russian village of the second half of the 19 — early 20 century]. *Iuridicheskie issledovaniia* [Research of Law], 2013, no. 6, pp. 285–319. (In Russian).

Bezgin V. B. *Krest'ianskaia povsednevnost' (traditsii kontsa 19 — nachala 20 v.)* [Peasant Everyday Life (the Tradition of the late 19 — early 20 century)]. Moscow, Tambov: Izdatel'stvo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta Publ., 2004. (In Russian).

Bezgin V. B. *Muzhitskaia pravda. Obychnoe pravo i sud russkikh krest'ian* [Rustic Truth. The Unofficial Law and the Court of Russian Peasants]. Moscow: Common place Publ., 2017. (In Russian).

Bocharov V. V. [Customary ownership law and “criminal state” in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2004, no. 7 (4), pp. 173–199. (In Russian).

Frank S. P. *Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1999. (In English).

Istomina I. V. *Melkopomestnoe dvorianstvo Evropeiskoi Rossii v 50–90-e gg. 19 veka (po materialam tsentral'no-chernozemnykh gubernii)* [The Small Gentry of European Russia in the 50–90s. 19 century (based on the materials of the Central Black Earth Province)]. Belgorod: OOO Epitentr Publ., 2016. (In Russian).

Kevler A. I. *Antropologiya prava* [Anthropology of law]. Moscow: Norma Publ., 2002. (In Russian).

Khok S. L. *Krepostnoe pravo i sotsial'nyi kontrol' v Rossii: Petrovskoe, selo Tambovskoi gubernii* [Serfdom and Social Control in Russia: Petrovskoe, Village in Tambov Province]. Moscow: Progress-Akademiia Publ., 1993. (In Russian).

Kovalevskaia S. V. *Vospominaniia detstva. Nigilistka* [Memories of Childhood. Nihilist]. Moscow: Khudozhestvennaia literature Publ., 1960. (In Russian).

Kozintsev A. G. [About Trickster Function]. *AB – 60. Sbornik statei k 60-letiiu A. K. Baiburina* [Collection of articles to the 60th anniversary of A. K. Baiburin]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2007, pp. 325–338. (In Russian).

Kozlov S. A. *Rossiiskie uchenye-agrarniki 19 — nachala 20 veka: istoriko-biograficheskie ocherki* [Russian Scientists-Agrarians of the 19th — early 20th century: Historical and Biographical Essays]. Moscow: Rosspen Publ., 2019. (In Russian).

Litvinova T. “*Pomeshchich'ia Pravda*”: *dvorianstvo Levoberezhnoi Ukrainy i krest'ianskii vopros v kontse 18 — pervoi poloviny 19 veka* [“Landlordly True”: the Nobility of the Left Bank of Ukraine and the Peasant Question at the End of the 18 — the First Half of the 19 century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2019. (In Russian).

Mironov B. N. *Rossiiskaia imperiia: ot traditsii k modernu* [Russian Empire: from Tradition to Modern]. Vol. 3. St. Petersburg: Dmitrii Bulavnin Publ., 2018. (In Russian).

Mironov B. N. *Sotsial'naia istoriia Rossii perioda imperii (18 — nachala 20 v.)* [Social History of Russia of the Empire Period (18 — early 20 century)]. Vol. 2. St. Petersburg: Dmitrii Bulavin Publ., 2003. (In Russian).

Novik E. S. [Structure of a fabulous trick]. *Ot mifa k literature: Sbornik v chest' semidesiatipiatiletiia Eliazara Moiseevicha Meletinskogo* [From Myth to Literature: a Collection in Honor of the Seventy-Fifth Anniversary of Eliazar Moiseevich Meletinskii]. Moscow: Izdatel'stvo RGGU Publ., 1993, pp. 139–152. (In Russian).

Poliakova I. A. Savinova E. N. *Ruskaia provintsial'naia usad'ba 17 — nachala 20 veka* [Russian Provincial Manor of the 17th — early 20th century]. Moscow: Lomonosov Publ., 2011. (In Russian).

Rogachevskii A. L. *K istorii obychnogo prava v Rossii v 19 veke (iz arkhiva Russkogo geograficheskogo obshchestva)* [To the History of Customary Law in Russia in the 19 century (from the Archive of the Russian Geographical Society)]. Vol. 3: *Imushchestvennye poshiagatel'stva. Iuridicheskaia mysl'*, 2003, no. 2, pp. 11–24. (In Russian).

Samarina L. A. [“Sleazy people steal all”: Theft among Domestic Servants in Russia in the Second Half of the 19 century]. *Istoria povsednevnosti*, 2017, no. 1, pp. 79–88. (In Russian).

Sokolov Yu. M. *Russkii fol'klor* [Russian folklore]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ., 2007. (In Russian).

Submitted: 10.10.2021

Accepted: 25.12.2021

Article published: 01.04.2022